

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ДОБРОЛЮБОВЕ

Публикация В. Сушицкого

I. [НЕКРОЛОГ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА]

[Первоначальная редакция]

Николай Александрович Добролюбов родился в Нижнем Новгороде 24 января 1836 года. Отец его, Александр Иванович, был священник нижегородской Никольской церкви. Имя его матери было Зинаида Васильевна.

Александр Иванович и Зинаида Васильевна очень сильно любили друг друга, так что когда скончалась Зинаида Васильевна [еще в молодых годах] (весною 1854 года)², муж не мог перенести этой потери: здоровье его быстро разрушилось, и он умер летом того же года³.

Николай Александрович, способности которого развились очень рано (мы имеем тетрадь его стихотворений, писанных в 1849 году, когда ему было 13 лет; в числе этих пьес есть переводы из Горация)⁴, поступил в четвертый (высший) класс Нижегородского уездного училища и должен был кончить семинарский курс в 18 лет* (обыкновенно, кончают курс в 21 или 22 года) и тогда, как отличный ученик, был бы отправлен на казенный счет в Московскую или Казанскую духовную академию. Но ему очень хотелось ехать в университет. Однако же, по чрезвычайной деликатности характера, он не стал говорить об этом, когда из косвенных расспросов у отца заметил, что родителям было бы не совсем легко уделять хотя рублей по 200 в год на его содержание в университете. А между тем, оставаться в семинарии стало ему слишком скучно. Чтобы выпирать время, он, пробыв один год в богословском (высшем) классе, поехал в Петербургскую духовную академию, курсы которой начинаются с нечетных годов, между тем как в Казанской и Московской, ближайших к Нижнему Новгороду, они начинаются с четных годов (по которым идут курсы и в Нижегородской семинарии). По приезде в Петербург, он увидел возможность поступить также на казенное содержание в Педагогический институт, который казался ему все-таки привлекательнее духовной академии, и сделался студентом института. Это было в августе 1853 года.

Весною следующего года внезапно скончалась его мать, которую он любил чрезвычайно нежно. Эта неожиданная весть страшно поразила его, и по всей вероятности нанесла первый сильный удар его здоровью. На каникулы (1854) он поехал в Нижний — и на его руках скончался отец, убитый смертью жены (1854 год).

---

* Далее следовали зачеркнутые запятая и следующие слова: «что бывает очень редко. Но ему хотелось ехать в Казанский университет. Недостаточные средства на содержание его по чрезвычайной деликатности характера, он стал настойчиво высказывать».

Николай Александрович остался старшим в семействе, которое состояло, кроме него, из пяти сестер и двух братьев. Денежные дела семьи находились в расстройстве. Отец, незадолго перед смертью, построил дом и вошел через это в долги, очень обременительные. Кроме дома, у сирот не было никакого состояния, а доход с дома почти весь поглощался уплатою процентов по займам из строительной комиссии и от частных лиц. Николай Александрович, с обыкновенным своим благородством, хотел пожертвовать всеми личными надеждами, чтобы поддержать сестер и братьев: он решился выйти из Педагогического института и просить места учителя уездного училища в Нижнем Новгороде. Родные, отцовские знакомые и институтские друзья едва могли соединенными усилиями отклонить его от этого намерения, доказав ему, что скудным жалованьем уездного учителя он не в силах будет содержать семейство, для самых выгод которого необходимо, чтобы он кончал курс в институте. Ему представили также, что три года, оставшиеся ему до окончания курса, сестры и братья его будут безбедно жить — одни у родственников, другие у некоторых из прихожан, уважавших его отца. Так и было сделано. [Через несколько времени, Николаю Александровичу и друзьям его отца удалось достичь того, что архиерей, не хотевший «зачислить» отцовского места за старшего сестрою Николая Александровича, согласился исполнить это обыкновенное в духовном звании правило, то есть, предоставить сироте-дочери получать часть доходов от остающегося праздным отцовского места, а по достижении ею совершеннолетия отдать вакантное место тому, за кого она выйдет] *. Но всего этого было слишком мало. Родные, взявшие на себя содержание сирот, сами были люди очень небогатые и Николай Александрович, не щадя себя, приобретал уроками деньги на содержание сестер и братьев.

[Через несколько времени Николай Александрович принял на себя новую тяжелую обязанность, — обязанность борьбы против стеснений и злоупотреблений, существовавших в Педагогическом институте. Личных причин становиться в оппозицию он не имел, — ему не делали никаких неприятностей, с ним были внимательны и предупредительны; но его товарищи страдали, и он стал их адвокатом, рискуя быть раздавленным ⁵. Он повел дело так благоразумно и твердо, что справедливость жалоб, им представленных, была признана князем П. А. Вяземским, тогдашним товарищем министра народного просвещения] **.

Мы познакомились с Николаем Александровичем летом 1856 года, за год до окончания им курса в Педагогическом институте ⁶. Он отдал *** нам тогда для напечатания в «Современнике» историко-литературную статью о «Собеседнике любителей русского слова» и вскоре потом разбор «Акта Главного Педагогического института» ⁷. Институтское начальство не должно было знать автора этой рецензии [которого могло погубить] ****, и она доставила бесчисленные овации тому из сотрудников «Современника», которому была приписана ⁸. Опасно было бы для Николая Александровича даже и совершенно невинное участие в журнале, поместившем эту убийственную рецензию; потому мы просили Николая Александровича отложить до окончания курса сотрудничество в «Современнике», как ни тяжело было для нас на целый год лишать себя помощи такого товарища.

* В рукописи не зачеркнуто. Видимо, опущено автором в корректуре.

** В рукописи не зачеркнуто. В окончательной редакции заключительные слова последнего предложения имеют такую редакцию: «была признана министерством народного просвещения».

*** Первоначально: «доставил».

**** В рукописи не зачеркнуто.

Но с начала 1857 года он стал помещать статьи в педагогическом журнале гг. Чумикова и Паульсона⁹ [сношения с которыми не составили бы преступления в глазах институтского начальства, если бы и были узнаны им*]. По окончании курса, он отправился в Нижний — повидаться с сестрами и отдохнуть. Перед отъездом он отдал нам статью «Несколько слов о воспитании», напечатанную в № 5 «Современника» за 1857 год¹⁰; тотчас по возвращении в Петербург началось его постоянное сотрудничество в «Современнике» (с № 7 в 1857 году), а скоро (с конца 1857 года) он принял в свое заведывание отдел критики и библиографии в нашем журнале. [Читающая публика знает с каким блеском повел он эту часть журнала]**. Ему еще не было 22 лет в это время.

Он работал чрезвычайно много, но не по каким-нибудь внешним побуждениям, а по непреодолимой страсти к деятельности. Едва ли прошло полгода времени между тою порою, как он стал нашим товарищем и тем временем, когда мы заметили, что его надобно удерживать от работы. С начала 1858 года не проходило ни одного месяца без того, чтобы несколько раз мы настойчиво не убеждали его работать меньше, беречь себя. Он отшучивался, говорил, что напрасно мы думаем, будто он утомляет себя. Впрочем, он был прав: не труд убивал его, — он работал беспримерно легко, — его убивала гражданская скорбь. Иногда обещался он отдохнуть, но никогда не в силах был удержаться от страстного труда. [Да и мог ли он беречь себя? Он чувствовал, что его труды могущественно ускоряют ход нашего развития, и он торопил, торопил время...]***.

Видя, что он не может дать себе отдыха на родине, и думая, что южный климат поможет ему, мы с зимы 1858 — 1859 годов, стали убеждать его ехать за границу. Он не хотел. Но следующей зимою он был уже очень хил. Почти насильно мы заставили его ехать за границу весною 1860 года. Через два-три месяца он уже хотел возвратиться. Он никогда не хотел верить, что его здоровье слабо, изнеможение свое он приписывал мимолетным причинам, влияние которых пройдет само собою. С трудом убедили его остаться на зиму за границей. Он нетерпеливо стремился в Россию работать, работать¹¹.

[Вдруг, в начале весны, мы получили от него письмо, противоречившее всем прежним: он говорил, что думает навсегда остаться в Италии и поручал нам устроить его денежные дела так, чтобы этому не было затруднений. Но через месяц он писал, что в Италии делать ему уже...¹²]****.

Он возвратился в начале августа нынешнего года, нисколько не поправившись в здоровье, и тотчас же по приезде должен был начать лечиться. Тут подошли тревоги*****, ускорившие его смерть¹³.

После изнурительной болезни он тихо скончался в 2 часа 15 минут утра 17 ноября.

Ему было только 25 лет. Но уже 4 года он стоял во главе русской литературы, — [нет, не только русской литературы, — во главе всего развития русской мысли.]*****.

Для своей славы он сделал довольно. Для себя, ему не за чем было жить дальше. Людям такого закала и таких стремлений жизнь не дает ничего, кроме жгучей скорби. [Но возмездима его потеря для народа, любовью к которому горел и так рано сгорел он. О, как он любил тебя, на-

* В рукописи не зачеркнуто.

** В рукописи не зачеркнуто.

*** В рукописи не зачеркнуто.

**** В рукописи этот незаконченный абзац зачеркнут, а слово «делать» зачеркнуто по ходу письма.

***** В рукописи слово «тревоги» заменено словами — «внешние события», которые в напечатанной редакции заменены словами — «внешние обстоятельства».

***** В рукописи не зачеркнуто.

род! До тебя, не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих.] *.

Приговляя к изданию сочинения Николая Александровича Добролюбова¹⁴, мы здесь помещаем перечень важнейших из статей его, напечатанных в «Современнике» **.

Николай Александрович Добролюбов погребен рядом с Виссарионом Григорьевичем Белинским (на Волковом кладбище).

Почитатели памяти этих честных граждан намерены поставить один памятник им обоим вместе ***.

Портрет Николая Александровича будет вырезан на меди и приложен к «Современнику» ****.

Редакция²⁵

II. В ИЗЪЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ.

ПИСЬМО К З — НУ

[Первоначальная редакция]

Прочитав статью вашу в январской книжке «Библиотеки для чтения»¹⁷, хотел я, милостивый государь, просить у вас свиданья, чтобы в частном разговоре раскрыть вам глаза на неловкость, сделанную вами в этой статье. Но скоро я передумал: вы отличились публично, стало быть публично надобно и показать вам, как вы отличились.

Вы имеете на деятельность Добролюбова взгляд, различный от нашего, это еще не заставило бы меня входить с вами в прения: ваше мнение не так важно, чтобы кому-нибудь стоило обращать на него внимание. Но есть в вашей статье несколько строк, претендующих определить мое отношение к Добролюбову, с похвальными эпитетами мне. Вы хотите засвидетельствовать для истории литературы факт, который был бы очень почетен для меня; если я оставлю ваши слова без ответа, то должно показаться, что я без возражений принимаю их за правду *****. Такую роль я не могу взять на себя.

На страницах 38 и 39 вашей статьи вы говорите, что в литературном кругу, к которому принадлежал Добролюбов, был человек, более его замечательный по дарованиям; этого человека вы почитаете учителем Добролюбова, вы приписываете этому человеку энергию убеждений, гораздо большую той, какую находите в Добролюбове¹⁸. На 34 стр.¹⁹ вы о том же человеке говорите: «мы совершенно искренно уважаем некоторых из друзей покойного — бова, в особенности одного, о лицемерном непризнании заслуг которого, мы, кажется, первые сказали, что оно переступило меру». Очевидно, что вы тут упоминаете статью обо мне, помещенную в одной из осенних книжек вашего журнала за прошлый год. Очевидно, что под че-

* В рукописи не зачеркнуто.

** Далее следуют списки статей Добролюбова, напечатанных им в «Современнике» и «Свистке», который мы опускаем, так как разницы нет между текстами рукописи и «Современника».

*** Далее в рукописи идут зачеркнутые недописанные предложения, смысл которых сводится к тому, что редакция «Современника» будет принимать жертвования на памятник Белинскому и Добролюбову.

**** Далее в рукописи идут недописанные предложения, содержание которых сводится к тому, что, во-первых, редакция «Современника» занимается собиранием материалов о Добролюбове, во-вторых, что она собирается напечатать его биографию, над которой работает один из друзей Добролюбова.

***** Последних трех слов в корректуре нет. Видимо, их не дописал автор не добрал наборщик.

ловеком, который был учителем Добролюбова, превосходил его талантом и энергиею, вы разумеете меня. Это принуждает меня разъяснить вам мои отношения к развитию образа мыслей Добролюбова, сказать, как представляется мне самому отношение моих сил к силам его и какая разница* действительно существует, по степени энергии, между мною и им.

Учителем Добролюбова я не мог быть, во-первых, уже и потому, что не был его учителем никто из людей, писавших по-русски. Довольно много пользы принесли ему статьи Белинского и других людей того литературного круга. Но не под их главным влиянием сложился его образ мыслей. Поступив в Педагогический институт летом 1853 года он вскоре привык читать книги по-французски, а с немецкими книгами начал знакомиться еще до поступления в институт. Если же даровитый человек в решительные для своего развития годы читает книги наших общих западных великих учителей²⁰, то книги и статьи, писанные по-русски, могут ему нравиться, могут восхищать его (как и Добролюбов восхищался тогда некоторыми вещами, писанными по-русски)²¹, но ни в коем случае не могут они служить для него важнейшим источником тех знаний** и понятий, которые почерпает он из чтения. [Каковы Пушкин или Лермонтов перед Байроном и Мицкевичем, таковы же наши публицисты и мыслители перед западными]. Что же касается влияния моих статей на Добролюбова, этого влияния не могло быть даже и в той, не очень значительной степени, какую могли иметь статьи Белинского. [Того, чтобы иметь работу в журналах, я добился только к весне 1854 года²², еще с год прошло прежде, чем получил я возможность писать так и о таких предметах, чтобы сколько-нибудь проглядывали мои особенные понятия в моих статьях. Да и то все продолжали мешать ясности и значительности моих работ разные условия, находившиеся отчасти в личных недостатках моего характера, отчасти в тогдашних журнальных отношениях к тогдашним литературным знаменитостям. В доказательство сошлось на первые книжки «Современника» 1855 года. В первых четырех книжках его помещены статьи: «О мысли в произведениях изящной словесности по поводу последних произведений г. Тургенева и Л. Н. Т. (графа Л. Толстого)», статья П. В. Анненкова²³; «Первые драматические опыты Шекспира», статья В. П. Боткина²⁴. Если бы мой голос был тогда значителен в «Современнике», то понятно, что ни г. Боткин, ни г. Анненков не почли бы приятным и не нашли бы удобным печатать в этом журнале свои статьи²⁵. Позволю себе для разъяснения дела коснуться некоторых случаев частной жизни, характеризующих тогдашнее мое положение в литературе. Я тогда пользовался благосклонным покровительством г. Тургенева²⁶ и г. Боткина²⁷; такой факт решительно показывает, что в моей литературной деятельности тогда еще не выступали заметным образом особенности, которые лишили бы меня их милостивого одобрения. Эти отношения, показывающие незначительность и неопределенность тогдашней моей роли, продолжались весь 1855 и почти 1856 годы. В свидетельстве беру первые четыре книжки «Современника» 1856 года. В них были между прочим помещены статьи: «Георг Крабб и его произведения» А. В. Дружинина²⁸, «Героическое значение поэта» В. П. Боткина²⁹, статья о путешествии г. Гончарова, не подписанная, но очевидно принадлежащая тому же направлению³⁰ как и разбор «Семейной хроники» С. Аксакова, подписанный П. В. Анненковым³¹. Когда же это успел я до появления Добролюбова в литературе приобрести такой заметный голос в ней, чтобы могли тогда быть у меня ученики? Ведь Добролюбов начал

* Этого слова в корректуре нет. Видимо, его не дописал автор или не добрал наборщик.

** В собр. соч.—«занятий», что является явным искажением. Исправляем по корректуре.

помещать статьи в «Современнике» с половины того же 1856 года³². Убедиться в неосновательности ваших предположений вы могли бы, милостивый государь, если бы потрудились заглянуть в книжки тех годов того журнала, о сотрудниках которого говорите.] *

Для человека сообразительного было бы довольно этих ** фактов, отпечатанных курсивными и заглавными шрифтами в оглавлениях тогдашнего «Современника». Но для вас, милостивый государь, быть может мало иметь факты, к которым самому надобно прилагать некоторые соображения; быть может вам необходимы готовые, пережеванные заключения. Вы могли бы слышать их от каждого, имеющего близкие сведения об отношениях Добролюбова ко мне. Число этих людей не так мало, чтобы не приходилось встречаться с ними каждому, находящемуся в порядочном литературном кругу. Я должен заключить, милостивый государь, что или вы совершенно чужды ему, или не умеете понимать разговоров, в которых участвуете. Но в том и в другом случае все-таки остается неизвинительна ваша опрометчивость. Вы имели в печати прямое мое свидетельство о факте, который совершенно опровергает вашу фантазию, будто я был учителем Добролюбова. Г. Пятковский вскоре по смерти Добролюбова напечатал в «Книжном вестнике»³³ его некролог, в котором прямо говорил, что биографические данные о Добролюбове получил от меня. Тут рассказывает он между прочим, что, когда Добролюбов познакомился со мною, его образ мыслей уже был вполне установившийся; стало быть с этой стороны я не мог иметь на него влияния. Всякому другому на вашем месте, милостивый государь, было бы понятно, что в этом случае г. Пятковский основывается на моем собственном признании.

Вам не случилось знать или не удалось понять ничего этого; иначе не могла бы вам притти в голову фантазия, будто я был учителем Добролюбова. Но вы оказываетесь незнающим и неумеющим понимать уже не каких-нибудь частных фактов, а и ровно ничего, когда фантазируете об отношениях моих дарований к дарованиям Добролюбова. Положим, вы не заглядывали в «Современник» 1854—1856 годов; положим, вы не читали того, что писалось о Добролюбове по его смерти; положим, вам не случалось встречаться ни с кем из людей порядочного литературного круга, — ни из «Отечественных записок» или «Русского слова», ни из «Времени» или «Современника», но все-таки ведь читали же вы какие-нибудь статьи Добролюбова и какие-нибудь мои статьи; вы сами говорите, что читали многие из них. Как же могли вы не заметить, что слишком смешно ставить написанное мною выше написанного им. [После этого вы способны ставить г. Островского выше Гоголя, г. Тургенева выше Пушкина. С другим человеком не нужно было бы рассуждать о разнице дарований во всех этих трех параллелях: он сам мог бы замечать ее. Но вам, милостивый государь, надобно, как я выразился, давать совершенно пережеванную пищу. Потому сообщу вам факты с прибавкой выводов из них.]

С той поры, как Добролюбов мог беспрепятственно отдаться литературной деятельности [(тотчас по его выходе из Педагогического института и по возвращении из Нижнего, куда он на короткое время ездил повидать-

* В окончательной редакции этот отрывок, начиная от слов: «Того, чтобы иметь работу», был сильно сокращен, приняв следующий вид: «Я не имел тогда важного влияния в литературе. В доказательство сошлюсь на «Современник» 1855 и 1856 гг. Пересмотрев эти журналы, вы увидите незначительность и неопределенность тогдашней моей роли. Когда же это успел я до появления Добролюбова в литературе приобрести такой заметный голос в ней, чтобы могли быть у меня ученики? Ведь Добролюбов начал помещать статьи в «Современнике» с половины того же 1856 г.»

** Слово «этих», благодаря предыдущему сокращению, видимо, было выброшено автором в последней корректуре, так как в «Современнике», его нет.

ся с родными)] до самого отъезда его за границу, я не писал о тех предметах, о которых писал он. Я уже не разбирал ни одной беллетристической книги и ни одной книги по предметам, имеющим близкую связь с русской жизнью. Отчего это могло происходить? Неужели ни разу в эти три с половиною года не приходила мне охота написать что-нибудь по этой отрасли дела, по которой прежде писал я постоянно и иногда не без внутреннего влечения к такой работе? Нет, я просто понимал, что для меня было невыгодно, если бы мои статьи могли быть сближаемы с статьями Добролюбова для сравнительной оценки нас обоих. Поэтому я старался и вовсе * не писать для отдела критики и библиографии, а когда Добролюбов говорил мне, что он не успеет наполнить этих отделов в какой-нибудь книжке журнала и что нужна для них моя статья, я брал предметы, не входившие в круг его обыкновенных работ, — писал, например, об Англии и Франции по поводу книги г. Чичерина⁸⁴, или о Тюрго по поводу диссертации г. Муравьева⁸⁵. Даже в первую половину прошлого года, — когда он, оставаясь за границею, уже не имел под руками новых русских книг и потому необходимо стало мне писать для отдела критики, — и я все-таки не писал ничего о беллетристических книгах и о сочинениях по тем отраслям литературы, которыми прежде занимался он. Я хотел избежать невыгодного для меня сравнения, надеясь, что он возвратится к нам поправившись здоровьем, и возобновит свою деятельность [, перед которою моя казалась бы слаба].

[Вот видите ли, милостивый государь: приписывая мне такие преимущества, допускать присвоение которых себе было бы с моей стороны недобросовестно, вы забыли указать во мне одно достоинство, за которое, когда меня не станет, помянут меня добрым словом все знавшие меня: каковы бы ни были мои дарования, но если я встречу в другом превосходство передо мной, я умею понимать такой факт и принимаю его; и я делаю это с искреннею радостью, что вот нашелся человек, который лучше меня может служить делу, которому обрекла и меня служить природа; и я делаю все от меня зависящее, чтобы открыть простор для деятельности такого человека, и, насколько допускает слабость моего характера, стараюсь оградить этого человека от стеснительного влияния разных литературных авторитетов.

Вот эта черта действительно существовала в моих первоначальных отношениях к Добролюбову. Когда он начал писать, я был уже не молод. Печатым образом могли называть тогда и могут еще много лет называть меня мальчишкою; но видя мое лицо уже и тогда, в 1856 — 1857 годах, видели, что не одну пару бритв износил мой подбородок, а в разговорах со мной замечали, что я давно пережил увлечения молодости и совершенно степенен. Притом же, я и тогда имел, хотя не бог знает какое видное, но все-таки некоторое прочное положение в литературном кругу: с оттенком покровительства, но не с совершенным пренебрежением удостоивали меня знакомства наши тогдашние литературные знаменитости в это время, когда Добролюбов только что кончил курс и еще имел 21 год от роду и не был знаком ни с кем из почтенных в литературе людей. Благодаря солидности моих лет, мне удалось несколько облегчить Добролюбову путь к беспрепятственной деятельности в «Современнике». Я говорил кому было нужно, что этот человек обладает великим умом и талантом и что наш брат не должен опекуновствовать над ним; когда доходил до меня слух, что ту или другую статью его находят неосновательною люди, имевшие тогда голос в литературном кругу нашего журнала, я отвечал, что он умнее их и основательнее понимает вещи. Это могло до некоторой степени уменьшить число стес-

* Слова — «и вовсе» в окончательной редакции опущены.

нительных для него столкновений. Этою заслугою перед ним я горжусь. Но не очень продолжительно было время, когда мое дружеское охранение от вмешательства стеснительных влияний могло быть нужно ему. Через год или меньше по начале его постоянного сотрудничества, к лету 1858 года, или даже несколько раньше, ему уже не требовалось ни чьей поддержки в этом отношении. Он уже имел преобладающее влияние в журнале]*. Почему это могло быть, когда тут был и я? Я не могу объяснить этого ничем другим, кроме его превосходства. Слава-богу, настолько-то все же есть у меня ума и добросовестности, чтобы понимать подобные факты.

Но если вам мало моего собственного суждения об этом предмете, вы могли бы, милостивый государь, узнать, то же самое от кого вам угодно из людей не совсем глупых или не совсем ничего не знающих о «Современнике». Они рассказали бы вам следующие факты: когда Добролюбов только-что начал писать в «Современнике», [не подписывая своей фамилии, и за пределом нашего небольшого дружеского круга никому в литературе не было еще известно, что существует человек, имеющий фамилию Добролюбов], его статьи приписывались мне,—но с прибавками, [ни малю] не лестными для моего самолюбия. «Из ваших статей в нынешней книжке самая удачная вот такая-то»,—говорил мне какой-нибудь знакомый и назвал статью не мою, а Добролюбова. [Во многих других на моем месте такие отзывы возбуждали бы зависть, иных, пожалуй, настроили бы к тому, чтобы стараться оттеснить или затереть Добролюбова. Я поступал наоборот, но в этом не вижу особенной доблести: я мог бы сообразить, что затереть такого человека мне не удастся, и старания об этом только выказали бы меня человеком слишком пошлым. Но ценю я себя за то, что не было мне надобности обуздывать такими соображениями внешние проявления зависти, потому что не было зависти, а была двойная радость: радость тем, что является человек, способный лучше меня служить общему делу, и тем, что мне случилось узнать и полюбить этого человека, не только как общественного деятеля, но и как человека. Такое чувство относительно людей, подобных Добролюбову, надеюсь, никогда меня не покинет, да и теперь вновь я испытываю относительно одного человека. Но возвращаюсь к внешним фактам]. Но очень недолго было время, когда статьи Добролюбова смешивались с моими [; скоро все, понимающие что-нибудь, заметили разницу]. А в конце 1858 и в начале 1859 годов уже не было ни одного человека в порядочных литературных кругах, который не выражался бы в том смысле, что Добролюбов — самый сильный талант в «Современнике». Наш круг знал это и гораздо раньше. Из этого вы можете видеть, милостивый государь, как не верны ваши слова, будто бы мы считали его «меньшим из своих братьев, второстепенным человеком своего кружка» (стр. 30). и будто бы «друзья покойного — бова ни при его жизни, ни после его смерти, никогда не могли думать о — бове, чтобы он был первым человеком между ними, или даже вторым, или даже третьим» (стр. 31). Мы не были, милостивый государь, так тупы и глупы, чтобы не считать его первым человеком в своем кругу. [Да и не мы одни, а все порядочные люди в литературном мире находили то же самое, как я уже имел честь сказать вам]. Но вы можете не поверить моему свидетельству [об общем характере фактов, если я не представлю вам определенных фактов в пример общего их характера, — ведь вы, как по всему видно, ровно ничего не знаете о мнениях и отношениях порядочного литературного общества]. Со-

* Выпущенный отрывок, вернее, первая половина его второго абзаца, принята в окончательной редакции следующий вид: «Всем известно, что через год или меньше, в начале своего постоянного сотрудничества, к лету 1858 года, или даже несколько раньше, Добролюбов имел уже преобладающее влияние в журнале».

общу же вам два случая, бывшие со мной*. Первый из них относится к концу 1858 года. Я сидел у г. Кавелина, в доме которого Добролюбов стал близким человеком с начала того года. «Странное дело», — сказал мне между прочим г. Кавелин, — «я не могу чувствовать к Добролюбову того мирного расположения, как, например, к вам. Отчего это? Образ мыслей у нас, повидимому, одинаков, а как человек он — превосходнейший человек, мое мнение о его сердце и характере доказывается тем, что я допустил его совершенно овладеть мыслями моего сына, чего не сделал бы, если бы мог считать что-нибудь дурным в Добролюбове. Но отчего же я чувствую, что он совершенно чужд мне, между тем, как например вы не-овсе чужды?» — Я сказал тогда: «Это оттого, что в Добролюбове нет тех слабостей и шаткостей в уме** и характере, которые дают вам некоторые точки опоры, чтобы притягивать мой образ мыслей и поступков в некоторое согласие с вашими требованиями. Взгляд его тверже и яснее, чем у меня, потому не остается для вас возможности понимать его в вашем смысле, как можете вы в значительной степени делать с моим взглядом». — «Да», — сказал г. Кавелин с искренностью чувства, которое влечет к нему, как к человеку, сколько бы ни желал иной раз рассердиться*** на него, — «Да», — сказал он, «вот вы принадлежите к поколению, которое должно идти дальше нашего, а поколение Добролюбова должно находиться в таком же отношении к вашему; между нами и вами есть связь; между вами и ими тоже есть связь, а между нами и ими видно уже нет связи. Что ж делать? Это пусто для нас; но так нужно для прогресса». — Сходный с этим разговор имел я через несколько времени, в начале 1860 года, с г. Тургеневым. Это было на первом литературном чтении в пользу «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым»³⁶. Члены комитета этого общества и лица, участвовавшие в чтении, собрались в галлереях, окружающих залу Пассажа, где происходило чтение. В одной из них случилось как-то остаться троем или четверым из нас, в том числе г. Тургеневу и мне. Он был тогда недоволен одною из статей Добролюбова и в заключение спора со мною о ней сказал: «Вас я могу еще переносить, но Добролюбова не могу». — «Это оттого, — сказал я, что Добролюбов умнее и взгляд на вещи у него яснее и тверже». — «Да», — отвечал он с добродушной шутивостью, которая очень привлекательна в нем³⁷, да, вы — простая змея, а Добролюбов — очковая змея». Вот вам, милостивый государь, два случая, показывающие, как понимались отношения мои к Добролюбову. Вы можете видеть из них, что он давно уже считался самым полным представителем того направления, которое далеко не с такой определенностью и силой выражалось во мне³⁸.

Для совершенной точности определения должен я прибавить еще третье слово: и далеко не с такою непреклонностью. [Но для объяснения этой прибавки я должен перейти к новому предмету речи. До сих пор я рассуждал с вами об убеждениях; теперь]**** следует коснуться личных характеров Добролюбова и моего, насколько это нужно для показания вам, как смешна ваша догадка, будто Добролюбов уступал мне энергиею природы. У меня характер уклончивый до фальшивости, это свойство сходное с мягкостью в личном обращении, может очаровывать моих знакомых, действительно ли очаровывает или возбуждает в них некоторую долю презрения, я

* Это предложение в окончательной редакции приняло следующий вид: «Сообщу же вам два из многих случаев, бывших со мной».

** В окончательной редакции слова — «в уме» заменены словами — «в мыслях».

*** В окончательной редакции: «посердиться».

**** В окончательной редакции этот отрывок сильно сокращен и принят следующий вид: «Для объяснения этой прибавки».

СОБЕСѢДНИКЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

Палатіе кн. Дашковой и Екатерины II

1783—1784.

Николаю Таврическому

Чернышевскому

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Любово добродушій

Н. Добролюбовъ

Послѣ отвлеченныхъ философскихъ разсужденій, которыми отличалась наша критика въ сороковыхъ годахъ, наступило время обращенія къ фактамъ исторіи литературы. Любопытно наблюдать этотъ крутой поворотъ направленія, — одинъ изъ тѣхъ, которыхъ такъ много представляетъ исторія нашей словесности. За 10—20 лѣтъ предъ этимъ, ко всему хотѣли прилагать эстетическія и философскія начала, во всемъ искали внутренняго смысла, всякій предметъ оцѣнивали по тому значенію, какое имѣеть онъ въ общей системѣ знаній или между явленіями дѣйствительной жизни. Тогда господствовали высшіе взгляды, тогда старались уловить духъ, характеръ, направленіе, оставляя въ сторонѣ мелкія подробности, не выставляя напоказъ всѣхъ данныхъ, а выбирая изъ нихъ только наиболѣе характерныя. Тогда критика обыкновенно рисовала намъ прежде всего фасадъ знанія, потомъ представляла намъ его планъ, говорила о матеріалахъ, изъ которыхъ онъ построенъ, рассказывала о внутреннемъ убранствѣ и затѣмъ анализировала впечатлѣніе, которое производитъ это знаніе.

Т. LVIII Стл. II.

3

ОТТИСКЪ СТАТЬИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА «СОБЕСЕДНИКЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА» С ЕГО ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

Дом-музей Н. Г. Чернышевскаго, Саратов

не знаю; [думаю только, что в людях умных и безукоризненно прямых скорее производит она последний результат, чем первый]. Но как бы то ни было, вы согласитесь, что при таком изгибающемся, податливом характере никак не могу я сравниться энергиею чувства с людьми прямого и, сказать без церемоний, честного характера. В Добролюбове этого недостатка решительно не было*.

«Вот, милостивый государь, [и были бы кончены мои объяснения для вас, и оставалось бы**], начинать заключительную часть письма с обычным ее содержанием, — изъявлением чувств пишущего к получающему письмо [если бы обнаруженные вами размеры знаний и сообразительности не показывали бы мне надобности изложить вам еще одну сторону дела, которая и без моих слов была бы ясна для]***».

Вы принудили меня в опровержение ваших вздорных соображений выставлять самому такие черты моей литературной деятельности и моего личного характера, которыми не слишком доволен я сам. Человек, принужденный выставлять свои слабости и недостатки, досадует на того, кто принудил его к этому.

Вы наговорили мне комплиментов, очень пошло отзываясь о статьях Добролюбова, которые лучше моих. Какое чувство должно было родиться во мне от этого? «Вот господин, который не в состоянии ценить действительно хорошего; а мои статьи он высоко ценит. Что же это значит? Есть молодцы, которым не нравится Гоголь; эти молодцы хвалят повести пр. Соллогуба³⁹ и комедии г. Львова: ⁴⁰ неужели от подобного свойства моих статей произошли похвалы им со стороны г. З—на?» — Это неизбежное впечатление от вашей статьи было для меня очень оскорбительно.

А ведь по всему видно, что вы вовсе не хотели оскорблять меня, — напротив, вы ждали, что я буду очень доволен. Вы не могли сообразить, в какое положение вы меня ставите. Я проникаюсь состраданием к вашей умственной слабости.

Но сострадание мое, смешанное с досадою и чувством обиды, соединяется, — извините, это резкое слово, — соединяется с отвращением. Ругаясь над мертвым, льстить живому! Да, впрочем, понимали ли вы, что именно это вы делаете?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Написанный Н. Г. Чернышевским: некролог Н. А. Добролюбова и статья «В изъявление признательности» были напечатаны в «Современнике» 1861 г. № 11 и 1862 г. № 2. Исследователи творчества и деятельности двух великих шестидесятников широко использовали содержащийся в них материал, особенно, по вопросу об оценке Чернышевским Добролюбова. В сущности говоря, именно на данных этих статей и базировались исследователи. Поэтому вполне понятно, что публикация этих статей в их первоначальном виде представляет крупный интерес. В Доме-музее Н. Г. Чернышевского в Саратове хранятся рукописи некролога и корректура статьи «В изъявление признательности», являющаяся за неимением рукописи также первоисточником. Ни корректура, ни тем более рукопись не несут на себе следов цензурской правки. В рукописи Чернышевский кое-что «самоизъял». В корректуре, пользуясь другой ее копией, не дошедшей до нас, Н. Г-ч, видимо, также сам опустил многие места. Если некоторые из них он устранил, несомненно, по стилистическим соображениям, то изъятие других мест было уступкой со стороны автора редакторскому такту Некрасова (М. А. Антонович, Воспоминания, «Academia», 1933 г., стр. 201 — 202).

Зарин, которого Чернышевский разоблачил в статье «В изъявление призна-

* В окончательной редакции последнее предложение приняло такой вид: «В Добролюбове такого, как во мне, недостатка решительно не было».

** В окончательной редакции последние два слова заменены одним — «остается».

*** На этом корректура обрывается. Окончание статьи даем по окончательной редакции.

тельности», при жизни Добролюбова неоднократно нападал на него. На могилу врага он принес наглые уверения, что Добролюбов был мелкой сошкой в «Современнике», что он в нем даже не занимал третьего места. («Небывалые люди», «Библиотека для чтения», 1862, январь, стр. 30—31). Широко известного, популярного и влиятельного литературного критика, автора ряда блестящих политических статей, неукротимого публициста, ярко проводившего линию революционной демократии, Зарин расценивал, как автора пустяковых рецензий, как писателя, о котором не приходится говорить всерьез. Отвечая Зарину, Чернышевский ставил своей целью доказать, что только тупой противник может говорить о малом значении Добролюбова.

² Мать Добролюбова умерла 8 марта 1854 г.

³ Ослабленный организм отца Добролюбова не перенес холеры, от которой он и умер 6 августа 1854 г.

⁴ Хранится в архиве ИРЛИ (б. Пушкинском Доме). См. описание В. Княгинина — «Архив Н. А. Добролюбова» («Временник Пушкинского Дома», 1913 г. СПб., стр. 16), а также его статью — «Добролюбов как поэт» («Полн. собр. соч.» Добролюбова. Под ред. Е. Аничкова, т. IX, стр. 12—15). Ода Горация, Ad se ipsum [перечеркн.]. 14 сент. 1850 г.

⁵ Об отношении Добролюбова к администрации Педагогического института, с одной стороны, и к товарищам по институту, с другой, см. в помещенных в настоящем номере «Материалах для биографии Н. А. Добролюбова» и в примечаниях к ним.

⁶ Добролюбов учился в институте вместе с Н. П. Турчаниновым, бывшим учеником Чернышевского по Саратовской гимназии. Вот, что писал о своем сближении с Чернышевским Н. А.—ч Турчанинову, при посредстве которого и состоялось знакомство: «С Ник. Гавр. я сближаюсь все более и более научаюсь ценить его... Знаешь ли, этот один человек может помирить с человечеством людей самых ожесточенных житейскими мерзостями. Столько благородной любви к человеку, столько возвышенности в стремлениях и высказанной просто, без фразерства, столько ума строго последовательного, проникнутого любовью к истине, — я не только не находил, но не предполагал найти. Я до сих пор не могу различать время, когда сижу у него. Два раза должен был ночевать у него: до того засиделся». («Литературное наследие», т. III, стр. 509).

⁷ Напечатано в 8-й и 9-й книжках «Современника» за 1856 г. В издании Панифидиной, под ред. Лемке, т. I, стр. 111—214, в издании ГИХЛ, т. I, стр. 29—100. В 8-й же книжке «Современника» за 1856 г. появилась рецензия Добролюбова на книги: «Описание Главного Педагогического института в нынешнем его состоянии», СПб. 1856 г. и «Акт девятого выпуска студентов Главного Педагогического института, 21 июня 1856 г.», СПб. 1856. В издании, под ред. Лемке, т. I, стр. 213—220.

⁸ Н. Г. Чернышевскому.

⁹ «Журнал для воспитания». А. Чумиков, его редактор, привлек к участию в журнале Добролюбова, К. Д. Ушинского, Редкина. См. ниже стр. 249 сл.

¹⁰ Речь идет о статье, помещенной в 5-й кн. «Современника» и перепечатанной в издании сочинений под ред. Лемке под названием: — [О значении авторитета в воспитании]. Мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова» (т. I, стр. 259—286).

¹¹ Добролюбов уехал за границу в конце мая 1860 г. Важнейшим источником для характеристики его заграничной поездки является переписка Чернышевского с Н. А.—чем. («Литературное наследие», т. II, стр. 369—388 и 390—395) и письма Некрасова (т. V, ГИЗ. 1930, стр. 352—353).

¹² Стремление Добролюбова остаться навсегда в Италии было связано с увлечением итальянкой Ильдегондой Фиокки, родители которой, как гадаются, являются биографы Н. А.—ча, требовали, чтобы он остался на родине их дочери.

¹³ Последние месяцы жизни Добролюбова характеризуются ростом революционного движения. Распространились прокламации «Великорусса» и «К молодому поколению». Студенческие волнения повели к закрытию Петербургского университета. Студенты вынесли свой протест на улицы. Добролюбов был не только в курсе событий дня, но и жил интересами революции и тогдашнего подполья. Его волнуют деревенские впечатления Некрасова о том, что «ничего не будет». Он воспламеняется верой в приход революции, когда Н. В. Шелгунов, сам работавший в подполье, передает ему, больному, о студенческих волнениях и аресте Михайлова: «его прекрасные, умные глаза горели, и в них светилась надежда и вера в то лучшее будущее, на служение которому он отдал свои лучшие годы и свои лучшие силы». («Воспоминания», ГИЗ. 1923, стр. 170).

¹⁴ В 1862 г. вышел четырехтомник «Сочинений Н. А. Добролюбова», приготовленный к печати Чернышевским, с которого механически и воспроизводились многократные переиздания по 1908 г. включительно. Предполагаемый пятый том в свет не вышел, так как редактор был арестован.

¹⁵ Под некрологом в рукописи была подпись редакции «Современника». В жур-

нальном тексте ее нет, но статья напечатана впереди текста, вне основной пагинации, т. е. идет от имени редакции.

¹⁶ Зарин, Ефим Федорович (З-ь, Incognito) реакционный критик, переводчик (1829—1892). М. Лемке отмечает, что Зарин первый указал на «рабское совпадение» высказываний Добролюбова и Чернышевского, чтобы свести старые счеты с «Современником». Выпячивая Чернышевского, как учителя Н. А.—ча и всячески подчеркивая ничтожество последнего, Зарин стремился уколоть Н. Г.—ча, который, превознося своего ученика, тем самым как бы пытался возвеличить себя». («Первое полное собрание сочинений», т. I, стр. CVI).

¹⁷ «Небывалые люди». («Униженные и оскорбленные.» Роман Ф. М. Достоевского. «Время», №№ 1—7). «Библ. для чтения», 186, 2 янв., стр. 29—56.

¹⁸ Чернышевский делает этот вывод из следующих слов Зарина: «Еще менее в них [в статьях Добролюбова, — В. С.] было того свободолюбивого чувства, которое так умел воспитывать всегда пламенный и всегда ровно глубокий в своей любви и ненависти Белинский, и которое, говоря вообще, с таким искусством поддерживает тот, кого мы — если только не ошибаемся — почитаем учителем — бова и в ком апатия и монотонность, умственная и нравственная неразвязность находят такого энергичного ненавистника» (стр. 38—39).

¹⁹ Не на странице 34-й, а на 32-й. Далее идет речь о статье «Повальное недоразумение» (по поводу спора Чернышевского с Юркевичем). «Библ. для чтения», 1861, № 8, стр. 24—50.

²⁰ В. Полянский считает, что «Добролюбов пришел к Фейербаху через Герцена, Белинского и через непосредственное знакомство с сочинениями Фейербаха... Постоянное подчеркивание Чернышевского, что он не был учителем Добролюбова, что последний был всегда самостоятелен в своих суждениях тоже нельзя упускать из виду и игнорировать.» («Н. А. Добролюбов.» М., 1933 г., стр. 96—97). Вместе с тем, тот же исследователь не отрицает, что «Чернышевский сильно влиял на Добролюбова, но он не учил его, не перевоспитывал, а влиял на него в процессе совместной работы.» (стр. 96). О характере влияния Чернышевского на Добролюбова, есть показания самого Н. А.—ча. В письме к Турчанинову он писал (1856): «С Н. Г. толкуем не только о литературе, но и о философии, и я вспоминаю при этом как Станкевич, Герцен учили Белинского, Белинский Некрасова, Грановский Забелина и т. п. Для меня, конечно, сравнение было бы слишком лестно, если бы я хотел тут себя сравнивать с кем-нибудь, но в моем смысле вся честь сравнения относится к Н. Г... этот отзыв [Чернышевского о Герцене — В. С.] меня, конечно, порадовал, потому что оба эти человека для меня авторитетны.» («Литер. наследие», т. III, стр. 510). В примечании к этому письму Добролюбова Чернышевский разъяснил, что он «тогда имел образ мысли, не совсем одинаковый с понятиями Герцена, и, сохраняя уважение к нему, уже не интересовался его новыми произведениями. Видя, что Н. А. огорчается холодными отзывами о них, [он] перешел от разъяснения причины своего недовольства некоторыми понятиями Герцена к похвалам тому, что находит у него хорошим». Чернышевский помогал Добролюбову перешагнуть через Герцена. Через три года Н. А.—ч, возмущенный статьей редактора «Колокола» — «Very dangerous», запишет у себя в дневнике — «Однако, хороши наши передовые люди. Успели уж пришить в себе чужье, которым прежде чуяли призыв к революции, где бы он не слышался и в каких бы формах не являлся» (стр. 256—257). Если фейербахианцем и утопическим социалистом Добролюбов стал без помощи Чернышевского, то, несомненно, влияние на литературно-критическую практику автора работ — «Эстетические отношения искусства к действительности» и «Очерков гоголевского периода.»

²¹ Автор понимает, вероятно, статьи Герцена.

²² Чернышевский начал печататься в «Современнике» с начала (с № 1) 1854 г.

²³ «Современники», № 1, стр. 1—26.

²⁴ Там же, № 3, стр. 1—36.

²⁵ Нельзя отрицать правоту заявления Чернышевского в первой ее части, но все же следует указать, что за 1855 г. им было напечатано в «Современнике» до 70 рецензий (в 11 книгах) и две больших критических статьи (в 6 книгах).

²⁶ О склонности автора «Записок охотника» барски покровительствовать Чернышевский много позднее писал в деликатной форме: «Тургенев действительно был добродушен и в особенности всегда был рад оказывать любезную внимательность начинающим писателям. В начале моей журнальной деятельности испытал это и я.» («Литер. наследие», т. III, стр. 464).

²⁷ В. П. Боткин, подобно своему другу Тургеневу, относясь отрицательно к диссертации Чернышевского — «Эстетические отношения искусства к действительности», не мог не признать, что «в ней очень много умного и дельного... Прежние понятия об искусстве очень обветшали и никаку не годятся». Давая положительные отзывы о многих статьях Н. Г.—ча, он считает, что его необходимо приручить, заставить работать в направлении полезном для либералов. Но в 1865 г., когда либералы уже открыто находились в лагере крепостнической диктатуры,

Боткин поставил все точки над и. В письме к тому же Тургеневу он писал: «В русской революционной партии сосредоточилось все, что есть гадкого, желчного и омерзительного в России — и прибавлю слабоумного. Когда эта партия выставляет во главе своей таких людей, как Чернышевский, Михайлов и tutti quanti — нечего и рассуждать, на какую сторону становиться,— на стороне ли мирных реформ или на стороне смут и волнений, лжи, легкомыслия и варварства.» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. Academia. 1930 г., стр. 222).

²⁸ «Совр.», 1856, № 1 (статья третья), стр. 1—32, № 2 (статья четвертая), стр. 55—91, № 3 (статья пятая), стр. 47—74.

²⁹ «Совр.», 1856, № 2, стр. 92—104.

³⁰ «Русские в Японии, в начале 1853 и в конце 1854 гг.» (Из путевых заметок). Я. Гончарова, СПб. 1855. «Совр.», 1856, № 1, стр. 1—26.

³¹ «Совр.», 1856, № 3, стр. 1—24.

³² В 1856 г. Чернышевский поместил в «Современнике» свои знаменитые «Очерки гоголевского периода», печатавшиеся в продолжение всего года, заметки о журналах и до 80 рецензий, что впоследствии в «Полн. собр. соч.» составило весь второй том (658 стр.). Добролюбов, эпизодически напечатанный в этом же году две статьи, начал постоянно работать в журнале с сентября 1857 г. О «незначительности и неопределенности... роли» Чернышевского в «Современнике» в 1856 г. можно говорить лишь с позиций Чернышевского 1861 г., когда он уже был во главе журнала.

³³ «Книжный Вестник», 1861 г., № 22.

³⁴ «Г. Чичерин, как публицист». (Очерки Англии и Франции. Б. Чичерина. М., 1859). «Совр.», 1859, № 5; «П. С. С.», т. IV, стр. 464—486.

³⁵ Тюрго. Его ученая и административная деятельность, или начало преобразований во Франции XVIII века. Сочинение С. Муравьева, М. 1858 г. «Совр.», 1858, № 9, «Полн. собр. соч.», т. IV, стр. 220—239.

³⁶ 10 января 1860 г.

³⁷ Позднее Чернышевский вспоминал: «Вероятно талантливость и добродушие Тургенева заставляли и Добролюбова, как Некрасова и меня, закрывать глаза на те особенности его качеств, которые не могли быть симпатичными Добролюбову или мне («Литер. наследие», т. III, стр. 464).

³⁸ Об этом эпизоде с большими подробностями рассказывается в воспоминаниях Чернышевского — «Об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым» («Лит. наследие», т. III, стр. 464—484).

³⁹ В. А. Соллогуб был жестоко высмеян Добролюбовым в специальной статье, посвященной разбору пяти томов его сочинений.

⁴⁰ Львов в Ник. Мих., драматург и редактор сатирического журнала «Весельчак», примыкал к либерально-буржуазному лагерю. Его пьесы и гр. Соллогуба Добролюбов характеризовал, как «представления, поражающие полным искажением понятий о долге и чести». («П. С. С.», т. II. ГИХЛ. 1935 г., стр. 345).